

УДК 9.94

РОЛЬ РАБСТВА В ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ ЮГА США ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

К. М. Дунавецкий

Данная работа посвящена выявлению роли рабства в исторических нарративах Юга США во второй половине XIX – начале XX вв. В качестве предмета исследования выступит историческая память южных штатов обозначенного периода. Для разрешения проблемы исследования будут выявлены основные мифологемы, связанные с ролью рабства в Гражданской войне и с образом довоенного рабовладельческого общества. В работе продемонстрирована двойственная роль рабства. С одной стороны, южане старались заретушировать значение этого института в качестве причины Гражданской войны, отводя основное место абстрактным конституционным вопросам. С другой – рабство играло особую роль в общественной памяти: довоенный рабовладельческий уклад представлялся идеальным способом организации общества. Таким образом, южане создали миф, многие элементы которого продолжают влиять на то, как современные американцы помнят Гражданскую войну.

Ключевые слова: историческая память; рабство; Конфедерация; Гражданская война в США; мифологизация истории.

На фоне протестов Black Lives Matter в 2020 году споры об исторической памяти захлестнули США. Эти дебаты коснулись и периода Гражданской войны. На фоне массовых протестов чернокожих особенно остро встала проблема роли рабства в Гражданской войне. То место, которое занимает рабство в современном видении этого конфликта, во многом обусловлено коммеморативными усилиями населения южных штатов США конца XIX – начала XX вв. Специфичная роль этого «особого института» в истории Гражданской войны и занимала умы многих протестующих.

Настоящая статья посвящена выявлению роли рабства в исторических нарративах Юга США во второй половине XIX – начале XX вв. Для решения проблемы исследования будет, во-первых, изучена доктрина «прав штатов», как главной причины войны. Во-вторых, будет показано, как южане создавали идеализированный образ рабства и довоенного Юга. В-третьих, будет разобран миф о «чернокожих солдатах Конфедерации», как о легенде, способствующей улучшению расовой репутации Юга. И, в-четвёртых, будет

освящено влияние образа «верного раба» на память о войне.

Методологической основой данного исследования является теория исторической памяти, согласно которой память – это способ конструирования людьми своего прошлого посредством медиа памяти – книги, фильмы, монументы, церемонии и т.д [1, с. 89].

В работе в качестве источников использована американская литература, учебники по истории и пресса рассматриваемого периода, а также художественные фильмы.

К концу Гражданской войны у южан, сторонников Конфедерации, в США сложилась скверная репутация изменников-рабовладельцев, пытавшихся в ходе войны развалить страну. Самым «больным» местом в подобном рассказе являлась тема рабства. Это касалось как сущности этого института, так и его роли в начале конфликта.

Южане понимали, что если они не смогут исключить рабство из истории своего восстановления, то будут навечно опозорены в глазах потомков и проиграют «войну идей», к которой в 1866 г. призывали бывшие конфедераты [2, с. 750].

© Дунавецкий К. М., 2024.

Дунавецкий Константин Михайлович (*kdunavetsky@gmail.com*),
студент II курса исторического факультета Самарского университета,
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

По этой причине они стали использовать доктрину «прав штатов» в качестве главной предпосылки начала конфликта. Конфедераты воевали не за сохранение рабства, а за сохранение принципов конституционной свободы. Как писали сами южане в своей прессе, «это была борьба за священное право на самоуправление» [3, р. 509]. Подобная привязка войны к вопросам самоуправления позволяла также проводить прямую преемственность между американской революцией и войной Конфедерации [4, р. 257]. Любого, кто считал, что южане воевали за сохранение рабства, клеймили лжецом, единственная цель которого опорочить память о доблестных солдатах, воевавших за свободу. В одном из выпусков журнала «Ветеран Конфедерации» от 1893 г. утверждалось, что «если рассуждать логически, то Юг отстаивал не вопрос рабства или не рабства, а вопрос юрисдикции» [5, р. 238]. Практически все бывшие лидеры Конфедерации в своих мемуарах и публичных выступлениях прямо заявляли, что рабство не было главной причиной войны. Роль рабства в начале конфликта либо низводилась до второстепенной, либо отрицалась вовсе. Южане также ссылались на опыт Американской революции. Ведь у большинства отцов-основателей тоже были рабы, но никто не считал, что революционеры воевали из-за рабства.

Усилия южан в сфере литературы, прессы, образования, создания исторических трудов и открытия памятников привели к практически полному исключению вопроса рабства из американской истории Гражданской войны. В 1918 г. журналист Джеймс Кэллауэй писал: «В северных журналах и газетах всё ещё прослеживается стремление внушить мысль о том, что Юг сражался за увековечение рабства и что за войной не стоит ничего другого» [3, р. 509]. Такое недовольство показывает, что подобные устремления уже воспринимались как эксцессы, а не как норма.

Доктрина «прав штатов» как главной причины войны оправдывала восстание как с моральной точки зрения (вопросы суверенитета выглядят намного этичнее защиты института рабства), так и с правовой — южане воспринимали американскую Конституцию как договор между равноправными штатами и соответственно, если штаты подписали этот договор, войдя в

Союз, то они также могли и выйти из него. Сецессия таким образом носила конституционный характер [6, р. 207].

Эмансипационное видение войны, подразумевавшее освобождение рабов как главную ценность, становилось всё менее популярным, уступая место примиренческому нарративу, где и южане, и северяне воевали за правое дело. За обе стороны воевали герои и не так важно почему они воевали, важно, что все они были американцами и сражались доблестно за то, во что искренне верили.

Подобная версия войны, которая, как было показано, сформировалась еще на рубеже веков, продолжает оказывать огромное влияние на американское общество. Так, в 2011 году, к 150-летию начала конфликта, ряд социологических организаций задали американцам вопрос о причинах конфликта. От 48 до 53 % респондентов выбирали права штатов как причину начала войны. Рабство выбрали лишь 37–38 % опрошенных [7].

Значительное место в южном восприятии конфликта занимал и образ довоенного рабства, которое представлялось благом как для хозяина, так и для раба. Утверждалось, что рабство «делало его [*раба*] в целом самым ярким образцом жизнерадостности и довольства в мире», само рабство представляло собой лишь «систему услужения (*servitude*), которая была самой мягкой в мире» [2, р. 49]. Рабство виделось «барьером против раздора и войны рас» [8, р. 65]. Один из бывших генералов Конфедерации называл рабство «ученичеством», с помощью которого «дикие расы были воспитаны и обучены цивилизации своими хозяевами» [4, р. 257]. В учебнике по истории США, изданном в Вирджинии в 1895 г., писалось, что северные политики взяли на вооружение аболиционистский тезис о «греховности рабства», потому что северяне завидовали южной цивилизации и её процветанию [9, р. 359].

В подобном повествовании важную роль играл образ «верного раба». Так, с середины 1890-х и до конца 1930 г. в журнале «Ветеран Конфедерации» публиковались сотни воспоминаний о верных рабах, часто написанных бывшими хозяевами [4, р. 286]. Подобные рассказы, где рабам уготавливалась роль верных слуг и спутников своих хозяев, публиковались и в общенациональных

сборниках и журналах, которые начали выходить в 1880–1890-е [4, p. 168].

В конце XIX в. даже появилась традиция приглашать на южные ветеранские мероприятия бывших «лагерных» рабов (рабов, которых брали на войну хозяева в качестве обслуживающего персонала) и одевать их в конфедератскую форму. В штате Миссисипи афроамериканцев, таким образом служивших в армии Конфедерации, включили в государственную ветеранскую пенсионную программу с момента её появления в 1888 году. Другие штаты, однако, начали это делать лишь в 1920-х, когда, естественно, в живых осталось не так много участников тех событий [10]. Подобные «воссоединения» бывших хозяев и рабов имели своей целью не только «корректировку» истории, но и попытку контролировать современный социальный порядок. Один из редакторов журнала «Ветеран Конфедерации» в 1905 г. упрекал «молодых негров» за «устремления к социальному равенству, которые всегда будут приносить им только бедствия». Автор считал, что они должны следовать примеру «негра былых времен» (*old-time negro*), который «живет на Юге и по сей день верен белым людям», и, следовательно, имеет белых друзей, которые поддерживают его [11, p. 140].

Перечисленные ветеранские мероприятия послужили основой для создания легенды о «чернокожих солдатах Конфедерации». По выражению одного историка, это движение представляет собой попытку дать Конфедерации право на «расовую ретроспективу» (*race retrospective*) [12]. Под этим подразумевается такой взгляд на расовые отношения на Юге, при котором политика Конфедерации выглядит не более расисткой, чем политика Севера. Данный миф, кстати, в 2010 году попал в учебник по истории Вирджинии для четвероклассников [13, с. 36].

Особое место в представлении о рабстве у южан играл образ «мамочки» («*mammy*») – чернокожей женщины, ухаживающей за детьми своих господ (яркий пример – персонаж служанки из «Унесённых ветром»). Чтобы понять степень влияния этого образа на общественную память, можно привести один очень яркий пример. В 1923 г. Сенат выделил 200 тыс. долл. на строительство памятника такой «мамочке» на Массачусетс-авеню

(г. Вашингтон). Проект памятника предусматривал большой фонтан и величественную мамочку, сидящую как бы на алтаре в окружении трех детей. Однако законопроект провалился в Палате представителей. Нация была избавлена от ироничного зрелища открытия крупного мемориала верным рабам на одной из главных улиц Вашингтона всего лишь через год после открытия Мемориала Линкольна [4, p. 288–289].

Подобные образы счастливых рабов перекочевали и в кино. Самый яркий пример – это фильм «Рождение нации» 1915 г., включенный в 1992 г. в Национальный реестр библиотеки Конгресса [14]. В начале фильма нам сообщают о рабочем дне рабов с 6:00 до 18:00 с двухчасовым обеденным перерывом. Это стандартный график американского рабочего времени выхода фильма. В картине демонстрируется идеальный образ довоенного Юга с пляшущими (в буквальном смысле) от счастья рабами, благородными кавалерами и прекрасными дамами. В качестве причины конфликта интрититры, естественно, указывают нарушение суверенитета штатов, уставленного еще во времена Революции. Представление о Довоенном Юге как о потерянном рае усиливает демонстрация ужасов послевоенного периода: чернокожие фальсифицируют выборы, избираются в легислатуру, насилуют белых женщин. В фильм даже включили цитату действующего президента США Вудро Вильсона (кстати, первого южанина на этом посту после войны) о том, что Ку-клус-клан был справедливой реакцией южан, вызванной «простым инстинктом самосохранения». Спустя полвека после окончания войны, иногда называемой Второй американской революцией, на экраны вышел фильм, прямым текстом указывающий, что эмансипация стала одной из самых больших катастроф Америки.

Несмотря на частичный пересмотр подобного идеализированного представления о рабстве, в начале XXI в. продолжают выходить произведения, ретранслирующие южные мифологемы столетней давности. Среди них вышедший в 2003 г. художественный фильм «Боги и генералы» с бюджетом 53 млн. долларов [15]. В картине отделение южных штатов объясняется нарушением их политических и экономических прав. Все чернокожие герои,

будь они рабами или свободными, искренне служат конфедератам и верят в их дело. Сами южане относятся к рабам как к членам семьи. В то же время единственное расистское оскорбление в фильме звучит из уст солдата армии Севера.

К концу XIX в. южное рабовладельческое общество стало видеться идеалом, местом, где, как писала одна южанка в 1909 г., жили «благородные люди ... подобных которым мы больше не увидим» [16, р. 148]. В 1898 г. другая южанка восхваляла на страницах журнала «Ветеран Конфедерации» храбрых солдат, защищавших «традиции и воспоминания о старом Юге — солнечном Юге с его прекрасными землями и счастливыми людьми, Юге рыцарских мужчин и нежных женщин, Юге, который войдет в историю как земля изобилия и родина героев» [8, р. 62–63]. Довоенный Юг превращался из реального места в некую Утопию, за сохранение которой безуспешно воевали южане. Подобные идеалистические представления о рабстве породили мнение, что освобождение и дарование избирательных прав чернокожим было преступлением. При этом преступлением не только против белых южан, но и против самих бывших рабов, которым эти права были даны против их воли. В одном южном школьном учебнике 1895 г., посвященном истории южных штатов, объявлялось, что «для негров не было ничего лучше, чем провал политики и целей Реконструкции» [17, р. 232–233]. Южане пытались выдать отдельные случаи доблести и верности своих рабов за общую картину, позабыв о полумиллионе невольников, которые сбежали из Конфедерации на Север во время войны [18].

Как отмечает один из главных историков расовой памяти Дэвид Блайт: «Национальной трагедией Америки стало то, что воспоминания о рабстве, которые популяризировались и продавались в последние десятилетия XIX века, были лишь романтическими фантазиями писателей, а не реальными воспоминаниями самих бывших рабов» [4, р. 313].

Таким образом, рабство в южных исторических нарративах занимало двойственную роль. С одной стороны, роль этого института в начале войны всячески преуменьшалась, если не отрицалась вовсе. На первый план выдвигались конституционные права штатов,

которые нарушил Север. С другой стороны, южанам всё равно приходилось как бы «оправдываться» за этот институт, выставляя его в исключительно положительном свете. Довоенный южный рабовладельческий порядок считался идеальной формой организации общества, где все расы знали своё место. Южане с помощью таких нарративов оберегали свою память о войне, не допуская того, чтобы их предки оказались запятнаны в анналах истории. При этом данная версия войны, важнейшей частью которой был образ рабства, удачно инкорпорировалась в общенациональную память о войне. Элементы южного прорабовладельческого нарратива, сформированного более столетия назад, продолжают оказывать влияние на то, как уже современные американцы помнят ту войну. С этим влиянием на память и боролись многие американские протестующие.

Литература

1. Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб., 2019. 220 с.
2. Pollard E. A. The Lost Cause; A New Southern History of the War of the Confederates. N. Y., 1866. 752 p.
3. The Confederate Veteran. Vol. XXVI. December, 1918. No. 12. Nashville, Tenn. 544 p.
4. Blight D.W. Race and Reunion: The Civil War in American Memory. Cambridge; London, 2001. 528 p.
5. The Confederate Veteran. Vol I. August, 1893. № 8. Nashville, Tenn. 386 p.
6. The Myth of the Lost Cause and Civil War History / ed. by G. W. Gallagher, A. T. Nolan. Bloomington, 2000. 240 p.
7. Public Opinion on the Confederate Flag and the Civil War [Electronic resource]. URL: <https://ropercenter.cornell.edu/public-opinion-confederate-flag-and-civil-war> (accessed: 30.11.2023).
8. Cobb J. C. Away Down South: A History of Southern Identity. Oxford, New York, 2005. 404 p.
9. Lee S. P. A School History of the United States. Richmond, VA.: B. F. Johnson Publishing Company. 1895. 612 p.
10. Black Confederate Pensioners After the Civil War [Electronic resource]. URL: <https://www.mshistorynow.mdah.ms.gov/issue/>

black-confederate-pensioners-after-the-civil-war (accessed: 30.11.2023).

11. Foster G. M. *Ghosts of the Confederacy: Defeat, the Lost Cause and the Emergence of the New South, 1865-1913*. N. Y., 1987. 306 p.

12. Black Confederate Movement “Demented”. American forum [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fYFIWlGJhM&t=2s> (accessed: 30.11.2023).

13. Курилла И. Битва за прошлое: Как политика меняет историю. М., 2022. 232 с.

14. Рождение нации [Художественный фильм]. Реж. Д. У. Гриффит. 1915, США.

15. Боги и генералы [Художественный фильм]. Реж. Р. Ф. Максвелл. 2003, США.

16. Wilson C.R. *Baptized in Blood: The Religion of the Lost Cause, 1865-1920*. Athens, Georgia, 1980. 264 p.

17. Curry J. L. M. *The Southern States of the American Union*. Richmond, VA, 1895. 272 p.

18. Bruce L. *The Fall of the House of Dixie: The Civil War and the Social Revolution That Transformed the South*. N. Y. 2013.

ROLE OF SLAVERY IN THE AMERICAN SOUTH HISTORIC NARRATIVES IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

K. M. Dunavetsky

This paper is dedicated to revealing the role of slavery in the historic narratives of the American South in the second half of the XIX – early XX century. The subject of inquiry is the historic memory of the Southern states within the specified period of time. Addressing the problem would involve identification of the key myths related to the role slavery played in the Civil War, and to the image of the pre-War slave-owning system of the South. The paper highlights dual role of slavery. On the one hand, the Southerners tried to downplay the importance of this institution as a root-cause of the Civil War, while emphasizing the abstract constitutional issues. On the other hand, slavery played a distinct role in the collective memory: the pre-war slave-owning system was viewed as the perfectly organized society. Therefore, the myth created by the South in many respects still impacts the way modern Americans remember the Civil War.

Key words: historic memory; slavery; Confederation; The American Civil War; mythologization of history.

Статья поступила в редакцию 30.05.2024 г.